

В. Е. Семенов

ЧТО ТАКОЕ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ
ЛОГИКА?

Рассматривается обоснование И. Кантом трансцендентальной логики. Показано, каким образом философ вводит различие общей и трансцендентальной логики. Анализируются сущность новой логики и ее место в трансцендентальной философии. Рассматриваются структурные логические элементы и их функции.

This article deals with Kant's justification of transcendental logic. The author shows how Kant draws the distinction between general and transcendental logic. The article analyses the essence of the new logic and its place in transcendental philosophy and considers the structural logical elements and their functions.

Ключевые слова: трансцендентальная и общая логика, логика действия, трансцендентальная редукция, преобразование таблицы суждений, логические и материальные термины.

Key words: transcendental and general logic, logic of action, transcendental reduction, transformation of the table of judgements, logical and material terms.

Обратиться к этой теме меня побудила статья В.Н. Брюшинкина, в заключении которой он делает в том числе и такой вывод: «...Кант действительно начал построение другой — трансцендентальной — логики, правила которой отклоняются от правил общей логики и, возможно, с ней несовместимы» [1, с. 21].

Действительно, даже беглый взгляд на изложение И. Кантом той логики, которую он называет трансцендентальной, позволяет говорить о принципиальном отличии этой новой дисциплины от традиционной и современной философу формальной логики. Возьмем для примера несколько фрагментов, где Кант демонстрирует различия между общей логикой и трансцендентальной. В частности, в одном из первых параграфов «Трансцендентальной аналитики» утверждается, что «общая логика отвлекается от всякого содержания предиката (даже если он чисто отрицательный) и обращает внимание только на то, приписывается ли он субъекту или противопологается ему. Трансцендентальная же логика рассматривает суждения и с точки зрения ценности или содержания этого логического утверждения...» [5, с. 163; A72 / B97]. Далее философ пишет: «Общая логика... ожидает, что ей откуда-то со стороны... будут даны представления, чтобы она прежде всего превратила их в понятия... Напротив, трансцендентальная логика имеет *a priori* перед собой многообразное в чувственности, доставляемое трансцендентальной эстетикой с целью дать материал для чистых рассудочных понятий...» [5, с. 169; A76—77 / B102].

Каким образом подвести эмпирические представления под одно понятие — это проблема общей логики. В свою очередь, «трансцендентальная логика учит, как сводить к понятиям не представления, а чистый синтез представлений» [5, с. 171; A78 / B104]. В «Аналитике основоположений» Кант подчеркивает, что «общая логика не может давать способности суждения никаких предписаний, но в трансцендентальной логике дело обстоит иначе; настоящее дело последней состоит, по-видимому, в том, чтобы в

употреблении чистого рассудка исправлять и предохранять способность суждения при помощи определенных правил» [5, с. 253; A135 / B174].

Определенным и безусловным является для Канта тот факт, что утверждаемая им новая наука представляет собою исследование не только *форм* познания, но также и *содержания* и, таким образом, трансформируется из *формальной* логики в *материальную* и, стало быть, в *логику действия*. Именно поэтому только в трансцендентальной логике мы встречаемся с таким положением дел, что даже если «непосредственно мы никогда не можем выйти за пределы содержания данного нам понятия, тем не менее мы можем совершенно *a priori*, правда, по отношению к чему-то третьему, а именно по отношению к *возможному* опыту, но все же *a priori*, познать закон связи вещей друг с другом» [5, с. 965—967; A766 / B794].

Приведенные высказывания уже дают право заключить, что Кант и в самом деле применяет совершенно новаторскую, впервые им обоснованную теорию рассудка, способности суждения и разума. Своей целью я вижу по возможности систематическое изложение основных сущностных характеристик трансцендентальной логики. Таким образом, данную статью можно рассматривать в качестве логичного продолжения темы, поднятой В. Н. Брюшинкиным.

Представляется, что наиболее эффективным и продуктивным способом экспликации и систематизации предикатов трансцендентальной логики послужит структурно-функциональный подход к исследованию проблемы. Разложить путем анализа изучаемый предмет на структурные элементы и определить функции каждого из них — значит выявить сущность кантовской логики действия, ее цели и роль в общем объеме трансцендентальной философии.

Дифференциация формальной и трансцендентальной логики

Построение Кантом трансцендентальной логики неразрывно связано с обоснованием и развитием нового типа метафизического мышления, продуктом которого, по замыслу творца, должна стать трансцендентальная философия. Необходимо отметить, что сама «мысль о трансцендентальности познания была не нова. Таковой являлась идея о том, что всякое познание предмета осуществляется в определенной области базовых (ersten) понятий и предписывается (bestimmt) ими, а также о том, что как раз эта первоначальная и априорная область составляет первое и истинное понятие знания. Трансцендентальная мысль знакома всей философии со времен Платона и Аристотеля, и как всегда она интерпретировала трансцендентальный состав (Verfaßtheit) знания — метафизически или антиметафизически, рационалистически или эмпирически. Эпохальное достижение Канта состоит скорее в том, что эта мысль была реализована в логике по-научному» [14, S. 29].

Для самого Канта идея нетрадиционной метафизики и логики также не была результатом мгновенного озарения, инсайта. Уже в ранних, «докритических», работах Кант предъявил формальной логике некоторые гносеологические претензии. Так, в приглашении на свои лекции зимнего семестра 1762/63 г., вышедшем под названием «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», Кант, в частности, упрекнул силлогистику в неспособности расширить «действительно полезные знания» [3, с. 36]. Кроме того, «разложение» традиционной логики, жаловался Кант, не дает ему возможности все расположить согласно его собственному пониманию дела, и поэтому он вынужден многое сделать «в угоду господствующим вкусам» [Там же]. Поистине революционным было утверждение о том, что *отчетливое понятие* возможно только посредством суждения, а *полное* — посредством умозаключения [3, с. 37]. В этом кантовском тезисе уже видны не только важнейшие формулировки «Аналитики основоположений»¹, но и намечается фундаментальный для трансцендентальной логики и философии в целом принцип функционализма. Наконец, была проведена чрезвычайно полезная и продуктивная дифференциация логического и физического типов различения². В будущем эта дифференциация также трансформируется в разделение логики на формальную и трансцендентальную.

В другой «докритической» работе — «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) — Кант прежде всего вводит понятие *реальной противоположности*, отличая его от понятия *логической противоположности*. И если второе базируется на логическом противоречии, то первое такого противоречия не содержит [4, с. 46–47]. Далее он утверждает, что ради *содержательного* определения понятия необходимо соотнести его с содержанием уже известного понятия³.

Особенно важной для формирования будущей трансцендентальной логики представляется кантовская дихотомия *логического основания* причинной связи вещей и *реального основания*. Логическая связь основания со следствием усматривается с полной ясностью, поскольку следствие совпадает с частью понятия основания и поэтому определяется данным основанием по закону тождества⁴. Что же касается реального основания, или объяснения того, *каким образом* нечто вытекает из чего-то другого, но не по закону тождества, то в этом случае (по выражению Канта) он сам бы охотно послушал такое

¹ Прежде всего, выводы о роли синтетических суждений и умозаключений в конструировании знания.

² «Логически различать — значит познавать, что вещь А не есть В, и это всегда есть отрицательное суждение; физически различать — значит посредством различных представлений быть побуждаемым к различным действиям» [3, с. 39]. Здесь можно усмотреть прообраз трансцендентальной логики действия.

³ Например, философы чаще всего рассматривают зло как простое отрицание. Однако существует зло как *отсутствие* (блага) и зло как *лишение* (блага). Первое зло «есть просто отрицание, и для полагания чего-то противоположного ему нет никакого основания; второе, напротив, предполагает положительное основание для устранения того блага, для которого имеется другое основание, и оно поэтому есть *отрицательное благо*. Оно гораздо большее зло, чем первое. Не дать [что-то] — значит причинить зло тому, кто нуждается [в этом], но отнять, вынудить, украсть будет гораздо большим злом; изъятие есть *отрицательное даяние*» [4, с. 58]. Работать с такими содержательными понятиями (вроде *отрицательной добродетели*), которые представляют собою *реальную противоположность*, традиционная логика была не в состоянии. Требовалась какая-то другая, а именно — неформальная логика.

⁴ Например, *сложность* есть логическое основание *делимости, необходимость* — основание *неизменности*.

объяснение. Первое основание лежит в области *формально-логического* мышления. Второе – реальное – принадлежит сфере *действительности*, и здесь возникает сложнейшая *содержательная* проблема: «как должен я понять, что, *благодаря тому, что есть нечто, есть также и что-то другое*» [4, с. 82]. Здесь, как мы видим, Кант поднимает проблему Юма, но решит он ее уже в главном своем труде, и решит средствами трансцендентальной логики.

Используя терминологию этой ранней работы, можно сказать, что общая логика представляет собою логическое (формально-логическое) основание познания, а трансцендентальная логика – реальное основание.

Ранние кантовские работы, не говоря уже о диссертации 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира», свидетельствуют о том, что неудовлетворенность Канта старой метафизикой содержала в себе как составную часть также недовольство ориентацией традиционной аристотелевской логики лишь на формальный аспект организации познания и знания. Замыслив несколько позже создать принципиально другую, научную, метафизику, философ уже не мог в этом процессе опираться на общую логику. Сооружение нового здания метафизики было вместе с тем формированием новой – трансцендентальной – логики.

Все эти идеи «докритического» периода относительно нового понимания логики вполне укладываются в русло формирующегося, нетрадиционного представления философии немецкого Просвещения о сущности логической науки. Однако истоки такого подхода к Аристотелевой дисциплине возникли значительно раньше и связаны – так же, как и в случае с Кантом – с революционными преобразованиями в метафизике. В свое время Декарт, приступив к обоснованию строгого и аподиктического метода в философии и науке, высказал нарекания в адрес тех, кто полагал формальную логику *универсальным* методом открытия и выведения новых истин. Подобное «неадекватное» и «нерелевантное» отношение к логике как средству управления человеческим рассудком было широко распространено в схоластике и резко критиковалось Декартом. Согласно воззрениям «диалектиков» (так философ называл логиков-схоластов), существуют «некие формы рассуждения, которые приводят к заключению с такой необходимостью, что, положившись на них, рассудок, даже если он некоторым образом отлынивает от ясного и внимательного рассмотрения самого вывода, сможет тем не менее вывести что-либо достоверное лишь на основании формы». Однако, – возражает Декарт, – «упомянутое искусство рассуждения совершенно ничего не привносит в познание истины», ибо «диалектики не смогли бы составить при посредстве этого искусства ни одного силлогизма, приводящего к истинному заключению, если бы прежде они не располагали материалом для него, т.е. если бы они не знали уже раньше ту самую истину, которая выводится в этом силлогизме. Отсюда явствует, что они сами не узнают ничего нового при помощи такой формы, и потому общепринятая диалектика является совершенно бесполезной для стремящихся исследовать истину вещей, но только иногда может быть полезной для более легкого разъяснения другим уже известных доводов, ввиду чего ее нужно перенести из философии в риторику» [2, с. 109–110].

Такая горячая инвектива философа-революционера вызвана тем обстоятельством, что схоластика возлагала на формальную логику чрезмерные ожидания при построении и выведении нового знания. Логика считалась едва ли не универсальным и единственным методом расширения знания. Именно поэтому Декарт категорически настаивает на том, что «формы силлогизмов никоим образом не способствуют постижению истины вещей» и что читателю будет полезно, «полностью отбросив их, понять, что вообще все познание, которое не приобретается посредством простой и чистой интуиции какой-либо единичной вещи, приобретается посредством сравнения двух или многих вещей» [2, с. 133]. Эту ситуацию неправомерных и неадекватно завышенных требований схоластов к формальной логике усугубил Христиан Вольф и его последователи. В результате философский метод стал представлять собою едва ли не одни только логические операции с понятиями⁵. Положение дел стало изменяться в XVIII в., и представления философов о логике приобрели новый характер. Так, например, выдающийся философ этой эпохи – И.Н. Тетенс – понимал под логикой вовсе не дисциплину, исследующую одни лишь формы мышления, но общую методологию, решающую такие глобальные проблемы, как

⁵ Томас Суинг по этому поводу отмечает, что «окончательная цель вольфианской попытки редуцировать принцип достаточного основания к принципу противоречия состояла в том, чтобы закончить Декартову программу выведения области реального из области умственной или идеальной. Вольфианцы расценили царство сущностей как релевантное (coextensive) области умственного или идеального, поскольку царство сущностей могло быть исчерпывающе определено одним только принципом противоречия или чистыми понятийными операциями. Если бы принцип достаточного основания, полагали они, мог быть сведен к принципу противоречия, разум с уверенностью смог бы достигать знания фактического мира через одну лишь свою понятийную способность (conceptual power). Таким образом, сведение принципа достаточного основания к принципу противоречия внесло бы законченность в Декартову программу. Субъективный ум мог бы добиваться объективной истины одним только мышлением» [18, р. 36–37].

границы нашего познания, его условия и т.д. С этой точки зрения логиками для Тетенса оказываются не только Ф. Бэкон, но также и Дж. Локк, и Д. Юм⁶.

Другой знаменитый представитель Просвещения в Германии – логик и математик И. Г. Ламберт – в своей фундаментальной работе «Архитектоника, или Теория самого простого и первого в философском и математическом познании» (1771) стремился, в частности, выяснить источник и способ применения онтологических категорий: откуда у нас эти понятия, как мы их получили и к чему должны применять⁷ [11, с. 70].

В «Критике чистого разума» мы впервые встречаемся с различием общей и трансцендентальной логики во второй части учения о началах. Здесь общая (формальная) логика имеет следующую структуру. Логика вообще разделяется на логику общего применения, которая занимается безусловно необходимыми правилами мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и логику частного применения, содержащую правила мышления о предметах определенного рода. Первую можно назвать также *начальной логикой*, вторую – *органом* той или иной конкретной науки (но не органом чистого разума!). Логика общего применения (общая логика) включает в себя *чистую* и *прикладную* (рис. 1).

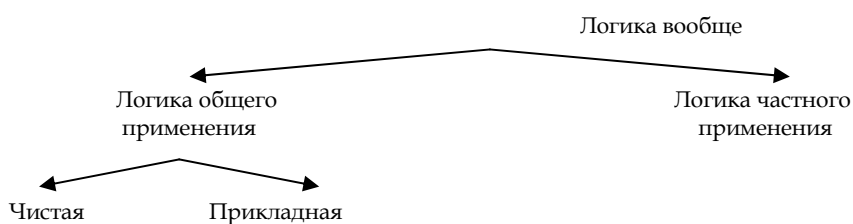

Рис. 1

Прикладная логика дает правила рассудку в конкретных эмпирических случаях и является, по сути, психологией мышления. В чистой же логике мы отвлекаемся от всех эмпирических условий, при которых действует рассудок, как-то: влияние чувств, игра воображения, законы памяти, сила привычки, склонности, источники предрассудков и т.д. Иначе говоря, обособляемся от всего, что как раз и составляет предмет психологии мышления. Такая «рафинированная» дисциплина базируется на двух основоположениях: 1) как *общая* логика, она отвлекается от всякого содержания мышления, имея дело только с его формой; 2) как *чистая* логика, она не имеет эмпирических принципов и, таким образом, ничего не заимствует из психологии. Общая чистая логика относится к прикладной подобно тому, как чистая мораль – к учению о добродетели и конкретных нравах.

Формальная логика построена по плану, совпадающему с делением высших способностей познания на рассудок, способность суждения и разум. Поэтому общая логика трактует в своей аналитике о понятиях, суждениях и умозаключениях сообразно функциям и порядку этих способностей души, которые все вместе называются рассудком вообще в широком смысле этого слова. Поскольку формальная логика «отвлекается от всякого содержания познания (все равно, чистого или эмпирического познания) и занимается только формой мышления (дискурсивного познания) вообще, постольку в своей аналитической части она может заключать также канон для разума, форма которого содержит твердые предписания, и эти предписания можно изучить, только расчленив действия разума на их моменты, без рассмотрения особой природы употребляемого при этом познания» [5, с. 247; A130–131 / B169–170]. Отсюда можно сделать вывод, что «различие между формальной и трансцендентальной логикой есть различие между анализом и синтезом» [13, S. 31]. Коль скоро общая логика представляет собою *канон* рассудка и разума, то, стало быть, в отличие от *органа* имеет применение только в опыте и не может использоваться в синтетическом познании *a priori*.

⁶ Подробнее о понимании логики в Германии во второй половине XVIII столетия см. издание [11]. Автор данного исследования ссылается, в частности, на итальянского классика кантоведения Джорджо Тонелли, который убедительно показал, что «Критика чистого разума» относится не к теории познания и не к метафизике, а к логике, однако к логике в самом широком значении (как *Vernunftlehre*), при котором она охватывает в себе в том числе и метафизику [11, с. 195].

⁷ Примечательным и симптоматичным является буквально текстуальное совпадение оценки И. Г. Ламбертом истории и современного ему состояния метафизики с характеристикой пройденного метафизикой пути, которую дал Кант в Предисловии к первому изданию «Критики чистого разума» (A VIII–X). По мнению Ламберта, метафизика превратилась в «регистр слов, различений и вопросов, которые все больше служили тому, чтобы сделать человеческое познание более темным, запутанным и неопределенным, нежели чем вывести на свет его всеобщие основания и сделать его более пригодным для применения. Такой оставалась метафизика многие столетия и, в конце концов, превратилась в предмет насмешек и презрения» (цит. по: [11, с. 70]). Таким образом, проблемы метафизики и соответствующей ей формальной логики ясно осознавались современниками Канта и достаточно широко тематизировались.

Но если чистая логика отвлекается от содержания и «излагает действия и правила мышления *вообще*»⁸, то Канту в этом случае для реализации собственных целей необходима такая логика, которая могла бы исследовать «особенные действия и правила **чистого** мышления, т.е. такого, посредством которого предметы познаются вполне *a priori*» [8, с. 51]. Автор «коперниканского переворота» убежден, что если существуют чистые и эмпирические созерцания, то в таком случае имеет место различие между чистым и эмпирическим мышлением о предметах. Это означает, что должна существовать логика (в качестве метода исследования), которая отвлекается *не от всякого* содержания познания. Эту новую логику он называет *трансцендентальной*⁹. С этого времени «в рамках философии Канта возникает такое учение о методе, которое возможно только как часть трансцендентальной логики. Поскольку она должна содержать методические указания для научного познания предметов, то условия возможности такого познания теперь формулирует только трансцендентальная, а не общая логика» [17, S. 9].

Согласно предварительному определению, трансцендентальная логика: 1) исследует *происхождение* наших познаний и отбирает в качестве собственного предмета только познания с априорной родословной; 2) постоянно исключает все эмпирическое содержание сознания, поскольку состоит только из правил *чистого* мышления о предметах¹⁰; 3) занимается систематическим исследованием главного своего вопроса: каким образом представления, не имеющие эмпирического происхождения, тем не менее могут *a priori* относиться к опыту.

Следует согласиться с Кантом: такие вопросы касаются не только одних лишь форм познания, но по своему статусу выходят далеко за пределы сферы исследования традиционной логики. Совокупность подобных проблем с незапамятных времен входит в сферу теории познания и методологии науки (или логики в широком смысле слова). Вовсе не случайно Кант местами противопоставляет общую логику трансцендентальной философии в целом, допуская тем самым отождествление последней с трансцендентальной логикой [8, с. 51]. Собственно говоря, «новое в этой трансцендентальной логике состоит в том, что она представляет собою нечто большее, чем теорию познания. Она является реальной логикой, то есть использует понятие и суждение в своей аналитической, а затем и диалектической части и в отличие от формальной логики ставит рассудок и разум — как способность к понятию, суждению и, соответственно, заключению — в отношении к возможному опыту» [13, S. 11].

Г. Эллисон подчеркивает, что главное и революционное требование философии Канта — установить, каковы условия человеческого познания. В таком случае трансцендентальный идеализм оказывается не более чем логическим следствием этого требования. Но поскольку основополагающее понятие «условие» остается эксплицитно неопределенным и до конца неисследованным, ибо в объем этого понятия в принципе могут входить даже головной мозг, центральная нервная система или органы чувств, Эллисон предлагает употреблять термин «*эпистемическое условие*» (*epistemic condition*), подразумевая под ним совокупность чистых априорных понятий рассудка, а также пространство и время как необходимые условия возможности опыта. Эпистемическое условие также можно назвать «объективирующим условием» (*objectivating condition*), поскольку в силу именно таких условий наши представления имеют отношения к объектам или, как любит выражаться Кант, обладают «объективной действительностью». В этом смысле «эпистемические условия следует отличать от того, что Кант называет “логическими условиями мышления”, например, принципа противоречия. Последние служат, как правило, для последовательного мышления, а не для представления объектов. Таким образом, они не

⁸ Комментируя Канта, Эрнст Кассирер разъясняет действие и специфику формальной логики: «Из того обстоятельства, что *все* люди смертны, и из достоверности, содержащейся в этой универсальной большей посылке, “доказывается” как необходимое следствие смертность Кая. Однако логика довольствуется тем, что развивает формы и формулы этого доказательства, не размышляя о *содержании* познания, его происхождении и правовой основе. Поэтому она принимает общие большие посылки, из которых она исходит при определенном умозаключении, как данные, не задаваясь вопросом об основании их значимости. <...> В сущности общая логика не делает ничего иного, кроме того, что, образовав сначала посредством соединения определенные комплексы понятий, она затем вновь расчленяет их на части. <...> Этот способ не создает нового понимания, он лишь вновь расчленяет то, чем мы уже обладали, чтобы объяснить его и сделать более отчетливым; он служит “расчленению понятий, которые мы уже имеем о предметах”, не пытаясь узнать, из какого источника познания к нам приходят эти понятия» [10, с. 145–146].

⁹ Кант высоко оценивает заслуги Аристотелевой логики и при этом отмечает, что она не сделала ни шагу назад, но в то же время не совершила и ни шагу вперед, достигнув, как представляется, законченности и завершенности. Кант защищает формальную логику от различного рода исследователей, пытавшихся дополнить логику включением в нее *психологических, метафизических и антропологических* разделов. Такие намерения, по мнению философа, объясняются незнанием истинной природы логики. Сущность же ее состоит в том, что она есть наука, обстоятельно излагающая одни только формальные правила всякого мышления, независимо от того, каково происхождение конкретного типа мышления. Однако абстрагирование логики от объектов познания и различий между ними приводит к такой ситуации, что она может считаться лишь пропедевтикой к наукам. Исследовать познание *a priori* должна другая логическая наука [5, с. 9–11; В VIII–IX].

¹⁰ Трансцендентальная философия должна противостоять «деспотизму эмпиризма», который является не естественнонаучной, а научно-теоретической позицией. И если «трансцендентальная философия желает устранить этот деспотизм, то она должна бороться не с науками, а с эмпирическими научными теориями. Обращение против деспотизма эмпиризма ни в коем случае не является враждебной позицией в отношении самих эмпирических наук» [16, S. 10].

являются эпистемическими условиями в том смысле, в котором это понятие употребляется здесь. Говоря приблизительно, различие между логическими и эпистемическими условиями отражает собственное различие Канта между общей и трансцендентальной логикой. Фактически, главное дело трансцендентальной логики состоит в том, чтобы установить ряд эпистемических условий, а именно, чистые понятия рассудка» [12, р. 10–11]. Р. Пиппин придерживается такого же понимания сущности новой кантовской логики и в связи с этим подчеркивает, что «часть наиболее важного и революционного аспекта трансцендентальной логики — объяснение того, что *все* понятия являются “формами мысли об объекте”, или *правилами* для суждений об объектах» [15, р. 88].

Именно после того, как стало очевидно, что существуют понятия, *a priori* относящиеся к предметам в качестве *действий* чистого мышления, Кант устанавливает «идею науки о чистом рассудке и разумном познании, благодаря которым мы мыслим предметы совершенно *a priori*. Такая наука, определяющая происхождение, объем и объективную значимость подобных познаний, должна называться *трансцендентальной логикой*, потому что она имеет дело только с законами рассудка и разума, но лишь постольку, поскольку она *a priori* относится к предметам — в отличие от общей логики, которая рассматривает отношение их и к эмпирическим, и к основанным на чистом разуме познаниям без различия» [5, с. 145; A57 / B81–82].

Роль трансцендентальной редукции в обосновании новой логики

Первое начало («ствол») познания составляет чувственность, изучаемую трансцендентальной эстетикой. Второе начало образуют конститутивный рассудок, а также способность суждения, исследуемые *трансцендентальной аналитикой* (аналитикой понятий и основоположений). Разум как регулятивный принцип познания и основной инструмент мышления является предметом анализа *трансцендентальной диалектики*. Таким образом, в самом общем виде трансцендентальная логика состоит из двух частей: трансцендентальной аналитики и диалектики.

Обращение к фундаменту трансцендентальной логики происходит вовсе не простым и очевидным путем. Кант приходит к идее новой науки только после осуществления особой рефлексивной процедуры, которая, собственно, существовала задолго до него и которую гораздо позже назовут *трансцендентальной редукцией*. Строго говоря, *вся* трансцендентальная философия возникает лишь после проведения редукции. Осуществляет редукцию на всех этапах и уровнях *трансцендентальная рефлексия*, чья цель — исследование субъективных условий, при которых мы только и можем добраться до понятий¹¹. Иначе говоря, рефлексия — это «осознание (*das Bewußtsein*) отношения данных представлений к различным нашим источникам познания, и только благодаря ей отношение их друг к другу может быть правильно определено»¹² [5, с. 417; B316]. *Рефлексия* — в этом мы сможем убедиться позже — представляет собою неотъемлемый инструмент действия трансцендентальной логики, а *редукция* — одна из базовых ее процедур.

Первоначально Кант осуществляет трансцендентальную редукцию (регрессивный синтез) в отношении чувственности: мы отвлекаем все, что мыслит рассудок посредством понятий, так, чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического созерцания. На следующем этапе мы отделяем от созерцания все, что принадлежит ощущениям. В результате получаем *чистое* созерцание, одну лишь априорную форму явлений. При этом обнаруживается, что существуют две чистые априорные формы чувственного созерцания — пространство и время [5, с. 93; A22 / B36].

Далее следует второй этап редукции — по отношению к рассудку: «В трансцендентальной логике мы обособляем рассудок... и выделяем из области наших познаний только ту часть мышления, которая имеет свой источник лишь в рассудке» [5, с. 151; A62 / B87]. Каким образом это можно сделать? Кант разъясняет: если удалить из чувственных представлений все, что принадлежит чувствам, то в них все же останутся «некоторые первоначальные понятия и образуемые из них суждения, которые должны иметь происхождение *a priori*, [т.е.] независимо от опыта, так как благодаря им мы можем или по крайней мере думаем, что можем, сказать о являющихся чувствам предметам более того, чему мог бы научить один только опыт; благодаря им наши утверждения содержат в себе истинную всеобщность и строгую необходимость, чего одно только эмпирическое познание дать не может» [6, с. 29; A2]. Разумеется, проделать трансцендентальную редукцию можно только в виде *мысленного эксперимента*, с которым и наука, и философия того времени, ровно как и сам Кант, были, безусловно, хорошо знакомы.

¹¹ Здесь и далее речь идет исключительно о *трансцендентальной*, а не *логической* рефлексии.

¹² Еще одна дефиниция рефлексии: «Действие, с помощью которого я связываю сравнение представлений вообще со способностью познания, производящей его, и с помощью которого я распознаю, сравниваются ли представления друг с другом как принадлежащие к чистому рассудку или к чувственному созерцанию, я называю *трансцендентальным размышлением (Überlegung)*» [5, с. 417; B317]. Латинский эквивалент *Überlegung*, по Канту, — *reflexio*.

В итоге возникает «часть трансцендентальной логики, излагающая начала чистого рассудочного познания, и принципы, без которых нельзя мыслить ни один предмет» [5, с. 151; A62 / B87]. Этот раздел трансцендентальной логики Кант называет *трансцендентальной аналитикой*, которая вместе с тем есть *логика истины*, или *канон оценки* эмпирического употребления рассудка. Трансцендентальная редукция рассудка должна привести нас к такому результату, при котором первоначала чистого интеллектуального познания — понятия — соответствуют некоторым безусловным требованиям. Категории должны обладать следующими качествами: 1) быть чистыми, а не эмпирическими; 2) принадлежать мышлению и рассудку, а не созерцанию и чувственности; 3) быть *первоначальными* и, следовательно, отличаться от производных или составных; 4) их таблица должна быть полной, т.е. исчерпывать собою всю сферу чистого рассудка. В итоге понимаемая таким образом трансцендентальная аналитика (логика) выполняет наиважнейшую для философии функцию: она должна составлять охватываемую и определяемую одной идеей систему, полнота и расчленение которой могут служить *критерием правильности и подлинности* всех входящих в нее элементов познания [5, с. 155; A65 / B90].

Начала чистого познания рассудка излагаются в *аналитике понятий*, т.е. *первом* структурном компоненте трансцендентальной логики. Принципы, без которых невозможно мышление предмета и применение категорий к опыту, составляют предмет *аналитики основоположений*, которая, в свою очередь, включает *схематизм категорий* (*второй* структурный элемент трансцендентальной логики) и *систему синтетических основоположений* чистого рассудка (*третья* составная часть). Таким образом, трансцендентальная аналитика дает нам три структурных элемента трансцендентальной логики.

Четвертой частью является *трансцендентальная диалектика* — критическое исследование диалектической видимости, а также принципов и правил законосообразного применения чистого разума. Таким образом, мы получаем трансцендентальную топику, или структуру трансцендентальной логики с точки зрения начал познания — рассудка и разума (рис. 2).

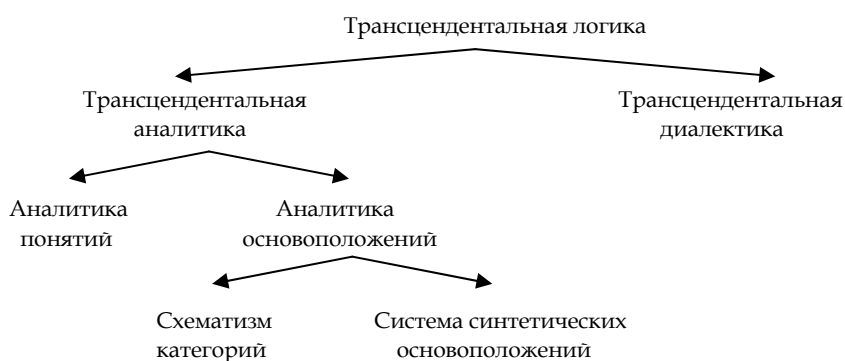

Рис. 2

Однако этими четырьмя сферами (элементами) действие трансцендентальной логики не ограничивается. Иначе говоря, трансцендентально-логическая топику как сфера (место) действия новой, формируемой Кантом логики вовсе не тождественна трансцендентальной логике как стратегии и методу рефлексивного изучения философских основоположений. Поэтому трансцендентально-логическое исследование неизбежно распространяется также и на *трансцендентальную эстетику*, и на *учение о методе*. Но сначала необходимо приступить к сепаратному анализу функций и роли структурных элементов трансцендентальной логики.

Трансцендентально-логическая таблица суждений

Аналитика понятий как часть трансцендентальной логики есть редко предпринимавшееся до Канта *расчленение самой способности рассудка*. Цель такого анализа — изучение возможности понятий *a priori*, отыскание их исключительно в рассудке как месте их рождения, а также исследование чистого употребления рассудка вообще [5, с. 155; A65—66 / B90]. При этом Кант особенно подчеркивает, что такое действие непосредственно касается чрезвычайно трудноразрешимой *проблемы происхождения a priori*, которая может быть решена только при помощи трансцендентальной редукции: «Итак, мы проследим чистые понятия в человеческом рассудке вплоть до их первых зародышей и зачатков, в которых они предуготовлены, пока они, наконец, не разовьются при наличии опыта и не будут представлены затем тем же рассудком во всей своей чистоте, освобожденные от связанных с ними эмпирических условий» [5, с. 155; A66 / B91]. Здесь же Кант вновь отождествляет трансцендентальную

логику с трансцендентальной философией в целом: обрисовав цели трансцендентальной логики, он заявляет, что «такое настоящее дело трансцендентальной философии», и при этом делает акцент на том, что «все остальное есть логическая трактовка понятий в философии вообще», иначе говоря — дело общей (формальной) логики [Там же].

Первоначальной задачей («обязанностью») трансцендентальной логики на этом этапе является *отыскание своих понятий*, руководствоваться при этом необходимо собственным принципом, согласно которому «место всякого чистого понятия рассудка и всех их [понятий] в полноте системы таких понятий можно определить *a priori*, ибо в противном случае исследование было бы произвольным или зависело от случая» [5, с. 157; A67 / B92]. Далее, как известно, Кант обосновывает возможность выведения чистых понятий рассудка из логических функций единства (синтеза) в суждениях.

Нужно отметить, что он не говорит о делении функций единства в суждениях как о «логической таблице суждений», принятой в общей логике. Напротив, Кант сразу же подчеркивает, что его деление отклоняется от той техники, которую используют логики [5, с. 161; A70 / B96]. Вслед за этим заявлением он высказывает некоторые «предостережения против возможных недоразумений». Эти ремарки (их объем составляет семь страниц оригинального издания: B96–102) как раз касаются различий между общепринятым делением суждений в формальной логике и его собственной классификацией.

Так, например, говоря о единичном суждении, Кант утверждает, что оно «заслуживает особого места в полной таблице моментов мышления вообще (*хотя, разумеется, не в логике, сводящейся лишь к употреблению суждений в отношении друг друга*)» (курсив наш. — В. С.) [5, с. 163; A71 / B96–97].

Помимо этого Кант настаивает на том, что следует отличать (хотя в общей логике это не принято) бесконечные суждения от утвердительных. Почему же так? Ведь бесконечные суждения входят в состав утвердительных. Кант дает объяснение: общая логика отвлекается от всякого содержания предиката и обращает внимание только на то, приписывается ли он субъекту или противопоставляется; трансцендентальная логика рассматривает суждения также и с точки зрения ценности или содержания этого логического утверждения, т.е. оценивает его *синтетичность*, или вклад в *прибавление* знания. Некоторые бесконечные суждения (например, «душа есть нечто бессмертное») необходимо включать в «трансцендентальную таблицу всех моментов мышления в суждениях», поскольку выполняемая при этом функция рассудка может оказаться важной в области чистого познания *a priori* [5, с. 163–165; A72–73 / B98].

Нет необходимости рассматривать остальные объяснения Канта в отношении всех отклонений от традиционной таблицы суждений или правил деления. При построении своей таблицы он, по-видимому, вовсе не собирался следовать принятым в общей логике схеме и нормам деления. Сохраняя в общих чертах привычный образ формально-логической таблицы, философский «всесокрушитель» строит совершенно новую, трансцендентальную и содержательную, систему суждений. Неоднократно встречающееся в тексте выражение «полная таблица моментов мышления вообще» (“vollständigen Tafel der Momente des Denkens überhaupt”) позволяет предположить, что Кант изначально не рассматривал свое деление функций единства в суждениях как формально-логическую таблицу и этим новым — не вполне привычным и удобоваримым — термином старался подчеркнуть данный факт и дистанцироваться от традиционного словоупотребления общей логики¹³.

Кант неоднократно обращает внимание на то, что общая логика, отвлекаясь от содержания познания, «ожидает, что ей откуда-то со стороны... будут даны представления, чтобы она прежде всего превратила их в понятия, что происходит на аналитическом пути», тогда как трансцендентальная логика «имеет *a priori* перед собой многообразное в чувственности, доставляемое ей трансцендентальной эстетикой с целью дать материал для чистых рассудочных понятий, без которых они не имели бы никакого содержания» [5, с. 169; A76–77 / B102]. «Откуда-то со стороны» данные представления, ровно как и безличные и «абсолютно объективные» категории самой общей логики, — все это говорит об изначально *онтологическом* характере аристотелевской науки, когда и представлениям, и понятиям придается независимый от субъекта («Божественный») статус, а вопрос о происхождении как инструментов самой логики, так и обрабатываемого ею материала даже не ставится. Кант же, напротив, создает содержательную и *трансцендентальную* науку, обладающую гносеологическим и конструктивистским характером, стремящуюся исследовать как раз те креативно-

¹³ Эрнст Кассирер так объясняет происхождение необычности и специфичности кантовской таблицы суждений: «“Общая логика” занимается “расчленением понятий, которые мы уже имеем о предметах”, и развивает суждения, которые возникают, когда мы предполагаем подобные предметы как готовые субстраты высказывания; однако как только мы — что, правда, выходит за пределы логики — сами рефлектируем о происхождении этих субстратов и задаем вопрос о возможности этого признанного логикой “состояния”, мы оказываемся уже в сфере другого исследования, требующего более глубокого объяснения и более фундаментального выведения самого суждения» [10, с. 157–158]. Упомянутое «другое исследование» — это и есть трансцендентальная логика.

познавательные проблемы, которые общая логика оставляет в стороне. Отсюда ясно, что, если под термином «логика» понимать формальную логику, а под термином «таблица суждений» – формально-логическую таблицу, то в этом случае кантовские логика и таблица имеют такие же названия только по недоразумению, ибо речь идет о различных дисциплинах со своими собственными предметами.

Опираясь на вышеприведенную кантовскую дескрипцию, можно сделать вывод, что, во-первых, трансцендентальная логика есть *действие*, во-вторых, действие это *синтетическое* и, в-третьих, – *априорное* (независимое от чувственности). Таким образом, новая кантовская логика предстает в первом приближении как *деятельность рассудка* («трансцендентальное действие») по связыванию многообразного (причем связывание происходит по априорным законам рассудка) и подведению его под категорию. Другими словами, рассудок осуществляет свою синтетическую деятельность, руководствуясь при этом особенной («законосообразной» и априорной) логикой, методическими правилами и методологическими принципами. И *действие рассудка*, и *правила*, с которыми он соотнобразуются, составляют в совокупности трансцендентальную логику. Еще точнее – два ее аспекта, две ипостаси.

Забегая вперед, в «Трансцендентальную дедукцию чистых понятий рассудка», возьмем отсюда дефиницию суждения. Там, в §19, Кант признается в том, что никогда не удовлетворялся формально-логическим определением суждения как представлением об отношении между двумя понятиями и прежде всего потому, что остается не ясным, в чем же состоит это отношение. Опираясь на трансцендентальную логику, т.е. исследуя отношение между познаниями, данными в суждении, и отличая это отношение как принадлежащее *рассудку* от отношения, сообразного с законами *репродуктивной способности воображения*, Кант приходит к новой – трансцендентальной – дефиниции суждения, релевантной его новаторской логике.

Суждение есть способ приводить данные познания к *объективному* единству апперцепции¹⁴. Иначе говоря, суждение осуществляет синтез многообразного («данного») на основе единства апперцепции, однако не непосредственно, а только при посредстве понятий и представлений (созерцаний). Связка «есть» в суждении нацелена именно на то, чтобы отличить объективное единство представлений от субъективного. Иначе говоря, связкой «есть» обозначается отношение представлений к изначальной апперцепции и ее необходимому единству, несмотря на то, что суждение может быть и эмпирическим. Представления принадлежат друг другу благодаря необходимому единству апперцепции в синтезе созерцания. Именно из этого отношения возникает *суждение*, т.е. такое отношение, которое имеет *объективную значимость* и, стало быть, отличается от отношений, имеющих субъективную значимость, например согласно (психологическим) законам ассоциации [5, с. 213–215; В140–142]. Отсюда следует, что суждение является опосредованным через понятия знанием о предмете, т.е. объективным представлением об уже имеющихся у нас, однако разрозненных представлениях о предмете. Такое понимание суждения существенным образом отличается от формально-логической дефиниции.

Стало быть, заключает Кант, все суждения суть функции единства среди наших представлений, ибо для познания предмета вместо непосредственного представления употребляется «более высокое (*höhere*) представление», содержащее и непосредственное представление, и многие другие: тем самым соединяются многие возможные познания. В таком случае и сам рассудок мы можем представить как способность составлять суждения. Рассудок есть способность мыслить, а мышление есть познание через понятия. Сами понятия «как предикаты возможных суждений относятся к какому-нибудь представлению о неопределенном еще предмете. Так, понятие тела означает нечто, например металл, что может быть познано через это понятие. Следовательно, понятие тела только благодаря тому понятию, что ему подчинены другие представления, посредством которых оно может относиться к предметам. Следовательно, оно есть предикат для возможных суждений, например для суждения *всякий металл есть тело*». И здесь Кант делает вывод, основополагающий для метафизической дедукции в частности и всей трансцендентальной аналитики в целом: все функции рассудка можно найти, если полностью показать *функции единства в суждениях* или, другими словами, *логические функции суждений* [5, с. 159; А69 / В94].

Важность этого сугубо трансцендентально-логического основоположения «заключается в той центральной роли, которую Кант придает активности суждения. Так, суждение определено не просто как объединение понятий, как будто они могли бы быть понятия “отдельно”, помимо их отношения к суждению. Поражает в рассуждении Канта то, что понятия должны быть понятия только в терминах их роли в суждении как “функции единства” в нем. Таким образом, когда мы понимаем некоторый концепт как “тело”, мы прежде всего осознаем, какую роль он мог бы играть в суждениях. Это означает:

¹⁴ В «Метафизических началах естествознания» Кант определяет суждение как акт, «единственно посредством которого данные представления становятся познанием объекта» [9, с. 258].

мы понимаем, что представления меньшей степени общности (lower representations), такие, как “металл”, могли бы входить в суждение. (Понимать понятие означает знать, как использовать его. Оно, следовательно, не может быть понято помимо его потенциальной роли в суждении; как будто, например, мы могли бы понять его само по себе, через понимание “свойства”, к которому оно относится.)» [15, р. 97].

Еще раз зададимся вопросом: что такое логическая функция суждения? Прежде всего термин «логическая функция суждения» здесь означает «*трансцендентально-логическая*», а не «*формально-логическая*». Можно, конечно, посетовать на нечеткость терминологии Канта, но достаточно проанализировать сущность и конкретный механизм действия логической функции суждения, как мы убедимся, что эта функция никак не может относиться к формальной логике. Итак, понятие синтезирует многообразное (на основе спонтанности мышления) и тем самым осуществляет функцию единства многообразного в понятии. Суждение же синтезирует сами понятия и через них, как было сказано, устанавливает отношение представлений к изначальной апперцепции и ее необходимое единство. Это действие суждения и есть то, что называется функцией единства в суждении, или логическая функция суждения. Можно сказать и по-другому: *логические функции суждения* суть *категории*. В этом случае последние оказываются «понятиями о предмете вообще, благодаря которым созерцание его рассматривается как *определенное* с точки зрения одной из *логических функций* в суждениях» [5, с. 199; B128]. К этому можно лишь прибавить: показав функции единства в суждениях, мы тем самым увидим трансцендентально-логические действия рассудка или, что то же самое, трансцендентальную логику в действии. Убедившись в полном совпадении чистых рассудочных понятий со всеобщими логическими функциями суждений, мы тем самым докажем априорное происхождение категорий, т.е. осуществим *метафизическую дедукцию*. Необходимо отметить, что подобного рода вопросами и процедурами формальная логика попросту не занимается, ибо они никак не входят в ее предмет и обязанности.

Рассмотрев последовательно таблицу суждений, мы обнаружим, что трансцендентальная логика рассудка включает в себя: 1) функции: *обобщения*, выделения *частного*, выделения *единичного* (т.е. общий, частный и единичный синтез понятий); 2) функции: *утверждения*, *отрицания*, *суждения о бесконечном* (утвердительный, отрицательный и бесконечный синтез понятий); 3) функции: *категорического утверждения* (суждения), *гипотетического*, *разделительного* (категорический, гипотетический и разделительный синтез понятий); 4) функции: *проблематического суждения о возможности*, *ассерторического суждения о существовании* или *истинности (действительности)*, *аподиктического суждения о необходимости* (проблематический, ассерторический и аподиктический синтез понятий).

Все эти функции рассудка создают синтетическое единство в суждениях и тем самым обнаруживают себя. На вопрос, почему мы имеем именно такие, а не иные функции суждения, или же, почему пространство и время суть единственные формы возможного для нас созерцания, дать ответ не может ни трансцендентальная логика, ни формальная, ни психология познания, ни современная психофизиология. И в этом Кант совершенно прав.

Завершая рассмотрение трансцендентально-логической таблицы суждений, необходимо отметить, что эта часть кантовского сочинения является одной из самых критикуемых. Внимательный анализ типологии суждений позволил Т. Суингу сделать вывод: «Кантовская таблица суждений – не простое расширение, а существенное преобразование Аристотелевой таблицы. Примечательная особенность этой трансформации состоит в преобразовании формальных терминов в материальные» [18, р. 19]. Если же попытаться оценить кантовскую претензию на такую же строгость таблицы суждений, какой обладает формально-логическая классификация, то, вероятно, следует согласиться с одним из выводов В.Н. Брюшинкина о том, что Кант «имел уже заранее заданные отношения между категориями, обосновать которые и была призвана таблица суждений, опирающаяся на авторитет логики» [1, с. 17].

Список литературы

1. Брюшинкин В.Н. О логических ошибках в кантовской таблице суждений // Кантовский сборник. 2008. №2 (28). С. 7–22.
2. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М., 1989–1994. Т. 1.
3. Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 2.
4. Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Там же.
5. Кант И. Критика чистого разума (В, 1787) // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках: в 4 т. М., 1994–2006. Т. 2 (1).
6. Кант И. Критика чистого разума (А, 1781) // Там же. Т. 2 (2).
7. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 4.
8. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Сочинения на русском и немецком языках: в 4 т. М., 1994–2006. Т. 3.

9. Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 4.
10. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. СПб., 1997.
11. Круглов А. Н. Тетенс, Кант и дискуссии о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М., 2008.
12. Allison H. E. Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defence. New Haven; L., 1983.
13. König A. P. Denkformen in der Erkenntnis. Bonn, 1980.
14. Krings H. Transzendente Logik. München, 1964.
15. Pippin R. B. Kant's Theory of Form: An Essay on the *Critique of Pure Reason*. New Haven; L., 1982.
16. Rohs P. Transzendente Logik. Meisenheim a/Glan, 1976.
17. Stuhlmann-Laeisz R. Kants Logik. B.; N. Y., 1976.
18. Swing T. K. Kant's Transcendental Logic. New Haven; L., 1969.

Об авторе

Семенов Валерий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц., докторант кафедры истории зарубежной философии философского факультета РГГУ, vesemenov7@mail.ru

About the Author

Dr. Valery Ye. Semenov, Associate Professor, postdoctoral student at the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, vesemenov7@mail.ru